

СОЮЗ С ИСЛАМОМ НА АНТИАМЕРИКАНСКОЙ ПОЧВЕ НЕВОЗМОЖЕН ¹

Ремизов М.

Неожиданное появление на Ближнем Востоке новой агрессивной и достаточно мощной силы – Исламского государства Ирака и Леванта – не только изменило привычный расклад политических сил в регионе, но и резко актуализировало дискуссию о «войне цивилизаций», начатую в 1993 г. публикацией знаменитой статьи С. Хантингтона. Впервые за долгое время мусульманский мир продемонстрировал способность к формированию не ограниченной официальными границами, кристаллизующейся вокруг сильного идеологического ядра квазигосударственной структуры. И хотя сейчас жертвами этого новообразования являются – за исключением нескольких показательных казненных западных журналистов – иракцы и сирийцы, не приходится сомневаться, что если Исламскому государству не помешают вырасти и окрепнуть, оно станет реальной угрозой современной секулярной западной цивилизации.

О вызовах, связанных с подъемом радикального исламизма и их влиянии на внешнеполитический курс России «Русская Idea» побеседовала с президентом Института Национальной стратегии Михаилом Ремизовым.

– В последние месяцы США наращивают санкции против России и одновременно объединяют страны в коалицию против «Исламского государства». Почему Америка не ищет вариантов сотрудничества с Россией, в отличие от 2001-2003 годов, когда она была заинтересована в российской поддержке? С другой стороны, общность интересов России и США в борьбе с террористической опасностью реальна или скорее иллюзорна?

– На сегодня эта общность иллюзорна, потому что Соединенные Штаты борются с угрозами, которые сами порождают, при этом прекрасно отдавая себе в этом отчет. Россия стоит на позиции поддержки светских политических режимов, способных сдерживать исламизм. Как правило, такие режимы авторитарны, потому что в против-

ном случае они были бы неспособны сдерживать исламизм. Другими словами, у двух стран разная политическая методология. В случае США – это вмешательство и раскачивание ситуации, а затем повторное вмешательство для решения вновь возникших и усугубившихся проблем. Т.е. они выпускают джинна из бутылки, а потом его ловят. Но у США есть преимущество – они далеко. Для России же исламизм является, прежде всего, внутренней проблемой. А во внешней политике ее интерес состоит в поддержании системы противовесов экспансии исламизма. Противовесов, как правило, действующих на локальном, региональном уровне. Глобальные коалиции вмешательства в этом отношении – куда менее удачный метод противодействия, чем поддержка локальных противовесов. Таких, как режим Асада или в прошлом режим Каддафи. США и их западноевропейские союзники сегодня уже не могут не видеть своих ошибок в Ливии и Сирии. Но их позиция по Сирии принципиально не изменилась. Поэтому России на данном этапе не следует вмешиваться в историю с «Исламским государством» и дать американцам возможность самостоятельно «расхлебать» ту политическую кашу, которую они заварили.

– И все же, почему в отличие от 2001-2003 гг. США не ищут возможности для сотрудничества с Россией? Тогда имело место определенное сближение, которое оказалось взаимовыгодным. Где проходит новая линия раскола, почему Россия и Запад оказались до такой степени по разные стороны баррикад?

– Сегодня все перевешивает украинский контекст. С точки зрения политического руководства США, Россия вышла за рамки допустимого, нарушив установленные самими американцами правила игры, и должна быть демонстративно-показательно наказана. Можно вспомнить о том, что в 2001 году, когда, казалось бы, шла речь о едином фронте борьбы с международным терроризмом исламистского толка, России не было позволено действовать столь же решительно, как действовали США. Напомню, тогда параллельно

¹ * Источник: <http://politconservatism.ru/forecasts/soyuz-s-islamom-na-antiamekanskoy-pochve-nevozmozhen>

с вмешательством США в Афганистан имел место инцидент в Кодорском ущелье в Грузии, откуда действовали группы ичкерийских боевиков, Россия не решилась нанести удары по Кодорскому ущелью – по тем самым международным террористам-исламистам и ровно в то самое время, когда Россия поддержала интервенцию США в Афганистан. Это была наглядная иллюстрация принципа: «что позволено Юпитеру, то не позволено быку». До тех пор, пока Россия соблюдала этот принцип, она могла, с определенными оговорками, рассматриваться в качестве союзника в борьбе с международным терроризмом. Как только Россия стала примерять на себя роль державы, которая самостоятельно трактует международное право, в том числе оставляет за собой возможность признания или непризнания тех или иных государств, применения силы на международной арене, она автоматически выпала из западной системы партнерства.

– Можно ли сказать, что для американцев не так важна верность идеологическим принципам, на первом месте для них скорее возможность контролировать международную политику союзника? И в этом контексте, могут ли американцы, к примеру, пойти на признание за Россией зоны собственных национальных интересов по периметру границ?

– США не раз подчеркивали, в лице самых разных представителей, что не приемлют и никогда не примут концепцию, в соответствии с которой у России есть некая законная сфера преимущественных интересов на постсоветском пространстве, некая неформальная сфера влияния. Даже в 90-е годы американцы в явочном порядке готовы были принять такой подход, но в нулевые – однозначно нет. С их точки зрения, сфера национальных интересов РФ ограничивается ее территорией. И это в лучшем случае.

– В сложившихся условиях насколько важно для российского консерватизма возможное сближение России со странами как суннитского, так и шиитского ислама? Не придется ли российским консерваторам искать сближения с внутренним исламом, условно говоря, отбросив повестку национализма и в какой-то степени играя на цивилизационном факторе?

– Цивилизационный фактор разъединяет Россию с исламом ничуть не в меньшей степени, чем этнонациональный. Союз с исламом на антиамериканской

почве невозможен. Я периодически слежу за ситуацией в панисламских и панкавказских сетевых сообществах и могу сказать вполне определенно: антиамериканизм, обострившийся на фоне борьбы с Исламским государством, не сделал их ни на йоту более лояльными российской системе геополитических приоритетов. Да, у России есть неплохие отношения с целым рядом исламских государств. Но это именно отношения с государствами, а не с исламским проектом, они задаются в системе координат национальных интересов, а не идеологического или цивилизационного сближения. Так, точки сближения России и Ирана лежат в плоскости проблем национального суверенитета, технологической независимости, диверсификации международных контактов в условиях санкций – именно на этой почве была и сохраняется основа для продуктивных отношений. Отношения с Турцией достаточно сложные. Возможно, в последние годы в них возникла большая доверительность. Я бы связал это с тем, что Р.Т. Эрдоган начал собственную большую игру, в которой интересы Турции расходятся с интересами США и Европейского союза. Поэтому он также заинтересован в диверсификации международных контактов. Но еще важнее, что исламистская Турция направляет свои преимущественные усилия в сторону от России – в направлении арабского мира, Ближнего Востока, отчасти Среднего Востока. Кемалистская Турция была в большей степени озабочена пантюркистским проектом, который предполагал активную игру именно на постсоветском пространстве, в том числе, на внутреннем российском пространстве. Поэтому возможность взаимопонимания с Турцией связана не с симпатиями к политическому исламу – а именно этот проект олицетворяет современная Турция – а с тем, что амбиции турецкого политического ислама на данный момент развернуты в другом направлении. Поэтому никакой почвы для широкого союза с исламским миром я не вижу, есть только признаки взаимопонимания с отдельными государствами по отдельным поводам. Мы вряд ли сможем что-то изменить в том факте, что все, кто мыслят в категориях глобального исламского проекта, считают Россию врагом или кормовой базой, и никакого сближения с ними быть не может.

– Если линия на разрыв с Западом сохранится, придется ли российским консерваторам пересматривать повестку применительно к внутреннему исламу?

– Не придется, потому что исламизм в значительной мере является инструментом американской и британской политики на территории нашей страны. Исламизм остается одной из ключевых угроз для России – сегодня это наиболее сильная интегральная антироссийская идеология, которая присутствует непосредственно в российском обществе. Единственное, что может, должно и старается делать государство – это проводить демаркационную линию между исповеданием ислама, с одной стороны, и исламизмом как политической доктриной и политической идеологией – с другой. С исламизмом как политической идеологией долгосрочных компромиссов быть не может.

– В 2003 году Вы разрабатывали концепцию российского изоляционизма, согласно которой Россия должна оставаться в стороне от схватки Запада с исламским террористическим подпольем. Насколько эта концепция актуальна сегодня, и есть ли у России ресурсы для такого прагматического изоляционизма?

– Главная цель – минимизировать собственную уязвимость, через которую мы можем быть втянуты в эти конфликты и расколы. Сегодня это прежде всего проблема Северного Кавказа, который необходимо плотно контролировать, так сказать, «держать в узде», потому что именно через Северный Кавказ Россия может быть вовлечена в схватку с глобальным исламизмом. Существенные угрозы несет и ситуация в Средней Азии. Здесь возможен выход нестабильности из Афганистана на территорию постсоветской Средней Азии, а также войны между государствами или иные формы вооруженных конфликтов. Все это может повлечь поток беженцев, которые потенциально станут разносчиками исламизма по всему российскому пространству. Поэтому лучший, точнее, единственный способ для России остаться в стороне от глобальной битвы исламизма с западным мировым порядком – жестко минимизировать, блокировать и по возможности ликвидировать анклав внутреннего исламизма, в том числе, не допуская разрастания миграционной пятой колонны и удерживая под контролем северокавказский исламизм.

– В условиях угроз, исходящих от исламского Ближнего Востока, возможно ли в будущем новое сближение России с Западом?

– Для такого сближения уровень угрозы должен быть существенно выше – условно говоря, взаимопонимание может возникнуть, если Исламский халифат станет мощной силой на пороге Европы, которую просто невозможно игнорировать.

– Политические силы в Европе, которые оппозиционны нынешнему мейнстриму, недовольны как усилением внешнеполитического влияния США в Европе, так и усилением миграции из исламских стран. Национальный Фронт во Франции выступает против исламизма и против атлантизма. Насколько серьезным будет этот фактор для европейского сопротивления, и может ли его повестка развиваться в сторону уменьшения оппозиции атлантизму?

– Указанные политические силы исходят из понимания того, что Соединенные Штаты одной рукой возвращают исламизм, а другой наносят по нему удары. На примере той же Ливии, Сирии, а шагом ранее Аль-Каиды, это стало невозможно игнорировать. Надо проявлять удивительную политическую наивность, чтобы на том основании, что США оказались вынуждены наносить удары по возвращенной ими силе, менять позицию в сторону большей лояльности к атлантическому вектору. Напротив, это аргумент в пользу того, чтобы не быть заложниками одинокой сверхдержавы, которая, по выражению французского стратега, социолога и историка Эммануэля Тодда (а он как раз выражает такую суверенистскую линию) не является умалишенной, но вынуждена в силу разных причин реализовывать игровую «стратегию умалишенного».

– Будут ли они при этом выступать с большей силой против исламизма?

– А как иначе, если многие из тех, кто воюет в Сирии, Ираке как джихад-туристы – это граждане европейских государств? Это повод бить в набат, менять законы о гражданстве, чтобы было возможным лишать гражданства на этом основании, чтобы иметь возможность проводить очень жесткие оперативно-розыскные и просто разведывательные мероприятия по всем мусульманским общинам, которые там существуют. То, что сейчас происходит с западными гастролерами, джихад-туристами из европейских стран – это на самом деле уже красный уровень угрозы.